

Слово редактора

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ К ОДРЯХЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В России недавно пятым изданием (после 1991 г.) вышла книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». В аннотации к книге автор назван «великим русским мыслителем, основоположником учения о цивилизациях, обосновавшим идею о том, что общечеловеческой цивилизации нет и быть не может»¹. Если судить по частоте переизданий (примерно одно издание в 5–6 лет), то в приведенном определении Данилевского содержится скрытая ссылка на советский опыт: в СССР отдельные произведения классиков советской версии марксизма издавались ежегодно, тогда как собрания сочинений издавались реже по сравнению с темпом нынешнего издания «Россия и Европа». За 74 года существования советской власти было издано два раза собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, и пять раз собрание сочинений В.И. Ленина. «На 1 января 1990 года произведения Ленина были изданы в нашей стране общим тиражом более 653 миллионов экземпляров на 125 языках!.. Некоторым работам особенно «повезло». Так, речь о близком коммунистическом грядущем – «Задачи Союзов молодежи» – издавалась 660 раз тиражом почти 50 миллионов экземпляров на 96 языках!»².

Неписаное правило такой издательской практики гласит: классик – это тот, кто способствовал созданию и укреплению СССР. Поэтому сочинения классиков советской версии марксизма превратились в источник политико-идеологического догматизма, цитатного мышления и постоянного государственного дохода путем многократного переиздания. Элементарный подсчет показывает, что за тридцать с небольшим лет издание «Россия и Европа» тоже обслуживает переход от лозунгов «нового мышления», «общего пути цивилизации» и «Европа – наш общий дом» к нынешней пропаганде «духовных скреп» и «традиционных ценностей» России. Но СССР распался. Советская эпоха потеряла роль критерия для воспроизводства и оценки всего и вся. На месте бывшего СССР возникло 15 государств, включая Россию. Можно ли считать Данилевского классиком России? В его честь уже выпустили монету Банка России, на которой вместе с барельефом автора изображена раскрытая книга «Россия и Европа»³. В статье дан авторский очерк возникающей проблематики.

Ключевые слова: история политической мысли, Н.Я. Данилевский, Россия и Европа.

¹ См.: Данилевский 2023: 2.

² См.: Волкогонов 2023: 7–8.

³ См.: Данилевский... б/г.

*Михаилу Сергеевичу Константинову –
в благодарность за сотрудничество*

Ползучая теория и непроницаемая самобытность

На сайте П.Г. Щедровицкого имя Данилевского присутствует в сериях портретов под рубриками «Русские философы» и «Философия России XIX века»⁴. Но в этих сериях почему-то нет упоминания о Владимире Сергеевиче Соловьеве. А ведь именно он еще в конце XIX столетия подверг опус Данилевского сокрушительной критике. Но содержание и основные проблемы этой критики не упоминаются ни в одном из пяти изданий книги «Россия и Европа». Значит, факт критики данного сочинения Данилевского и уже почти полуторастолетняя традиция критики его концепции в целом замалчиваются. Его книгу стремятся продать или навязать публике, игнорируя правило философской жизни: любой труд любого мыслителя (особенно претендующего на «величие») должен подвергаться публичному критическому разбору со всех позиций, противоположных концепции, которая развивается в «России и Европе». В противном случае воспроизводится схема существования советской идеологии, навязанной населению сверху. Но это было тогда, когда не менее 4/5 населения страны были неграмотны. Под благовидным предлогом «ликвидации неграмотности» власть сознательно скрывала факт навязывания населению определенной системы взглядов, которая, в конечном счете, не подтвердилась в качестве государственной идеологии и остается дискуссионной с теоретической точки зрения. Неясно до сих пор, кто должен отвечать за длительное публичное распространение лжи.

В настоящее время неграмотных в России нет. Значит, содержание критики может сообщаться любому потенциальному читателю в момент его знакомства с любой философской концепцией. Ведь оригинальная концепция вызывает прежде всего любопытство, и, как следствие, множество истолкований. Чем более оригинальна концепция, тем больше это множество. Причем, ни одно из толкований не исчерпывает настоящее величие мыслителя. Если многообразие толкований пытаются свести к одному канону, то в лучшем случае мы имеем дело с воспроизводством концептуальной рутины, от которой не в состоянии освободиться ни одна наука, тем более социальная [Макаренко 2016]. Именно эта рутинность образует основу нынешних политических эпидемий в виде кликушества российской пропаганды [Аронсон 2017: 166–188]. Опасность подмены социальной науки пропагандой детально изучил С. Андрески, цикл работ которого опубликован в нашем журнале. Эта опасность увеличивается по мере появления новых средств пропаганды, находящихся в распоряжении государственной бюрократии.

Правда, в русском варианте Википедии Данилевского не называют мыслителем, а социологом, культурологом, публицистом, естествоиспытателем, классиком геополитики, одним из основателей цивилизационного подхода к истории, идеологом панславизма. Это перечисление тоже намекает на энциклопедичность Данилевского. Упомянута и критика В.С. Соловьева [Данилевский... б/г]. Но о содержании критики Соловьевым Данилевского тоже не говорится ни слова. Значит, потенциального читателя стремятся держать в неведении или же уподобляют ученику церковно-приходских школ. В надежде на то, что он вызубрит книгу «Россия и Европа» как Отчешаш или «Задачи Союзов молодежи»...

Между тем энциклопедичность В.С. Соловьева несколько не уступит объему знаний Данилевского. Покойный Владимир Сергеевич показал, что труд Данилевского есть разновидность ползучих теорий общества, которые могут служить только примером ленивой

⁴ См.: <https://shchedrovitskiy.com/category/философия-россии-хix-века>.

и робкой мысли⁵. Главным доказательством лености и робости автора «России и Европы» служит тот факт, что он стоит на почве племенного и национального раздора: «Наш народ есть самый лучший из всех народов, и потому он предназначен так или иначе покорить себе все другие народы или, во всяком случае, занять первое, высшее место между ними» [Соловьев 1888: 85]. По мнению Соловьева, такой формулой освящаются насилие, угнетение и войны в истории и современном состоянии мира.

Кроме того, если иметь в виду исторический контекст создания «России и Европы», то леность и робость мысли связаны также со стремлением Данилевского использовать российскую (а не польскую, например) версию панславизма для идеологического обоснования государственных интересов России в войне 1876–1878 гг.

Для критики этого тезиса Данилевского Соловьев поставил принципиальные вопросы: есть ли какие-либо фактические основания приписывать России значение культурно-исторического типа, отдельного и высшего по отношению к Европе? насколько само деление человечества на культурные типы соответствует исторической действительности? На оба вопроса он дал отрицательный ответ: Россия не является отдельным культурно-историческим типом по сравнению с Европой; деление человечества на культурные типы не соответствует исторической действительности.

Ответ Соловьева аргументирован в процессе его детального разбора сочинения Данилевского. Этот анализ включает постановку и исследование множества проблем: универсальные свойства и специфика сельской общины и полицейского государства в России; мера оригинальности русской науки, философии, литературы и искусства по сравнению с европейскими сферами духовного производства; специфика русского национального эгоизма; историческая, логическая и методологическая ложь концепции культурно-исторических типов как воплощения абсолютного произвола в делении мира и т. д. [Соловьев 1888].

Приглашаю всех перечитать указанный текст В.С. Соловьева. Перед каждым читателем открыта возможность не только предложить свою классификацию намеченной им проблематики, но и развить ее на основе современных знаний. Но для обсуждения этих проблем требуется богатое компаративное знание каждой из указанных сфер в России и во всех европейских странах на протяжении последних трехсот лет. Особенно в том случае, если читатель решится высказать свое мнение. Я лишь подчеркну: взамен идей Данилевского Соловьев выдвинул целую программу теоретического противодействия любым попыткам приписать месту и времени нашего рождения некую непроницаемую самобытность как предел нашего бесконечного любопытства [Мангель 2017].

Замшелые идеи и реваншистские идеологии

Подход Соловьева развивается в современной компаративистике Востока и Запада. В ней концепция Данилевского квалифицируется как разновидность замшелых идей, высокопарного слога, стремления разобщить человеческие популяции, приписав им взаимонепонимание [Алаев 2019а: 107, 189, 193, 249]. Называть его за это «великим мыслителем» – значит вступать в противоречие с нормами интеллектуальной честности и научного этики. Вырисовывается, как минимум, три направления систематизации основной проблематики «России и Европы»: что такое идейное старье; специфика российского политического языка второй половины XIX в.; тренд социального и политического разобщения. Все это можно подвести

⁵ Здесь Соловьев применил различие между крылатыми и ползучими социальными теориями, которое ввел Л. Ранке. Первые могут без всяких усилий перелетать в другие места и эпохи, классическим примером чего является философия Платона. «Россия и Европа» Данилевского – классический пример вторых.

под общую рубрику: проблема таксономии идейного старья⁶. Готов руководить кандидатской или докторской диссертацией на эту тему.

Что касается разработки конкретных проблем, то по каждой из них продолжаются дискуссии, свидетельствующие о невозможности окончательных решений. Например, Л.Б. Алаев сделал обзор столетней дискуссии по проблеме специфики сельской общины и обосновал вывод: вся теория сельской общины как основания русской (и любой иной) цивилизации является «романом, вставленным в историю», и к науке не имеет никакого отношения [Алаев 2019б].

То же самое относится к дискуссии на тему типов цивилизаций: «Пока что мы видим лишь: ни чему не обязывающее полоскание модного слова; попытку замены экономического показателя на «духовный» в качестве фактора, определяющего тип общества и его историю, т. е. замену одного монистического подхода на другой монистический подход; более или менее незаметное протаскивание в «приличное общество» (в научный дискурс) представления, что одна из цивилизаций лучше и выше всех других. И что ей, этой цивилизации, не следует ничего заимствовать с протухшего Запада; уклонения от сравнения цивилизаций. Если все цивилизации равноценны, то такая позиция безусловно политкорректна, но наука история растворяется, превращается в этнографию, или страноведение. А если они различаются по развитости, или по цельности, или по духовности (и т. д., и т. п.), то давайте конструировать критерии и рисковать встретить ожесточенную критику со всех сторон. *Цивилизационный подход* (курсив Л.Б. Алаева – *В.М.*) в исполнении его сторонников логически превращается в призыв к смене системы ценностей: замене ценности прогресса (с сопутствующими ему демократией, правами человека и т. п.) на ценность самобытности (с присущими ей консервативностью, стремлением назад, ксенофобией и воинственностью)» [Алаев 2019а: 258].

В целом теория и типология цивилизаций невозможна, если использовать строгие критерии научной таксономии. Зато стало ясно, для кого Данилевский уже является или может быть потенциальным «классиком». Опять попадаем в ловушку непроницаемой самобытности...

Факт пятикратного издания книги Данилевского свидетельствует о пополнении рынка макулатуры на тему цивилизаций. Это частный случай общего стремления определенных кругов современной России превратить его спорные мысли в идеологию: «Идеология, – писал А.А. Зиновьев, – есть камера, в которую заключен человеческий дух. Но эта камера может быть построена так, что человек не будет себя чувствовать заключенным» [Зиновьев 2022: 380]. По мнению Зиновьева, одним из способов такой постройки является *фактическая* (или *рабочая*) идеология, в состав которой входит постулат создания многократного перевеса сил и демагогии. «По этому постулату надо кричать об облагодетельствовании, если насилуешь. Наши руководители даже на тройку не способны сдать экзамен по формальной идеологии даже на первом курсе, но на пятерку знают «рабочую» идеологию» [Зиновьев 2022: 175].

Эти суждения Зиновьев высказал по поводу советской идеологии. В России сегодня официальной идеологии не существует. Зато постулаты фактической или рабочей идеологии встречаются на каждом шагу. Их систематизация тоже образует особую проблему. Начать исследование каждый может со своего места жительства. Не надо ездить из Петербурга в Москву и даже из Ростова в Батайск. Например, я могу начать с посещения ближайшей чебуречной. Она называется «Назад в СССР». Вся обслуга щеголяет в профодежде с этой надписью. А над входной дверью красуется стих:

⁶ В современной аналитической философии для этого существует теория подержанных вещей (секонд хэнд).

Товарищ, присядь,
Подкрепись чебуреком –
Советским почувствуй
Себя человеком!

Иначе говоря, реклама чебуреков переплелась с возвеличиванием такого географического участка СССР, в котором чебуреки жарили задолго до существования СССР. А теперь СССР переместился в Россию. По этой логике на Чукотке рыба станет критерием «советского человека», на Дону – вяленый чебак и т. д. Во всех случаях детский хватательно-глотательный рефлекс⁷ становится основанием идеологии...

Короче говоря, книга Данилевского обосновывает трансляцию того синдрома политической мысли, который я со студенческой скамьи называю «холуйством и хуторянством». Речь идет о передаче досоветского и советского синтеза насилия и политической бюрократии в современность. Тем более что вся сфера государственной идеологии и политики в России на протяжении XX века служила прибежищем для большинства бездарных людей, которые были не в состоянии реализовать себя в любой профессиональной сфере и подчиниться нормам профессионального этоса. Этот тренд сформировался после 1917 г.: «Все были обязаны носить идеологическую одежду – эту духовную униформу обезчеловечивания личности. Ленин и ленинизм были главными атрибутами этого одеяния... Свой «силовой марксизм» Ульянов укреплял всем, что делало учение бескомпромиссным, жестким, радикальным... Однако после захвата вождя власти Ленину будет очень трудно отличать, где кончается партия и где начинается полицейская машина ВЧК» [Волкогонов 2023а: 33, 64, 110]. Сталин создал прецедент на вершине советской политической иерархии: «Человек, у которого не было ни образования, ни профессии, ни обаяния или вулканической энергии революционера, неожиданно для всех оказался у самых вершин пирамиды власти. Вот здесь-то он и показал потенциальным соперникам, что тонкий расчет, помноженный на умелое манипулирование аппаратом, значит очень много. Особенно если активно «защищать» ленинизм. Разумеется, так, как его понимал Сталин» [Волкогонов 2023б: 123–124].

Идеология, силовой марксизм, полиция, вершина бюрократического аппарата управления – таковы истоки нынешних «начал и концов», включая трансляцию идей Данилевского.

Главным предметом спора и центральным пунктом труда Данилевского является идея о чуждости и враждебности интересов России и Европы. Однако на протяжении всей книги я не обнаружил даже намека на разъяснение смысла, который Данилевский вкладывал в содержание категории «интерес» – центрального понятия, на котором держится вся его концепция. Между тем к середине XIX в. в России уже было известно представление о Кантовой концепции незаинтересованности как критерия эстетического суждения и других сфер духовного производства. Между тем содержание книги Данилевского не содержит даже намека об этом. Не менее уместно напомнить, что ко времени сочинения и публикации книги «Россия и Европа» в европейской религиозной и философской мысли уже существовало несколько версий о преобразовании классической христианской концепции страстей в интересы, претендующие на «объективность» [Хпршман 2012]. В русской мысли к тому же времени сложилось несколько интеллектуально-политических традиций осознания кризиса русского византизма и неизбежной встречи с Западом в результате осознания этого кризиса [Флоровский 1991: 1–56]. Если Данилевский ничего такого не знал – его «ученость» сомнительна.

Причем, изучение революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны показало, что преобразование страстей в интересы в этот период достигло апогея. Однако даже

⁷ Термин «хватательно-глотательный рефлекс» мне сообщил давно мой бывший студент А.Г. Коновалов, за что сердечно его благодарю.

в революции Россия оставалась архаичной в сфере связи народа и власти. Здесь открылась бесконечная область человеческого безумия, неуравновешенности и страсти. В итоге русский человек до сих пор не способен постичь природу системного кризиса, вызванного страстями. Зато ему было у кого поучиться: Ленин принимал свои главные решения в расчете на страсти; сталинская страница истории отличается отсутствием общественной самоорганизации. Поэтому В.П. Булдаков резюмирует: идеологи и политики до сих пор упорно пляшут под дудку капризно-беззаботной современности [Булдаков 2024: 420–430].

О революционном варианте этой пляски И. Уткин писал:

Да, никогда нам так не породниться
Как под единым знаменем идей,
И в ногу шли китаец желтолицый
И бледнолицый иудей.

Эта поэтически постулированная кровная связь (а не конфликт и противоборство) человеческих рас с опорой на «знамя идей» еще ждет своего Пророка, Критика, Аналитика и Практика. По крайней мере, уже в начале XX века в русской культуре сложилось реальное многообразие религиозно-философских традиций⁸. Их преобразование в устойчивый религиозно-политический тренд требует особой реконструкции. В любом случае перспективы взаимосвязи между страстями и интересами в историческом процессе, а также их конкретное и многообразное проявление в отношениях между Россией и Европой представляет собой непаханное поле, поскольку такие отношения невозможны без исчисляемой сотнями миллионов индивидуализации. Каждая из них хранит сокровенный биографический опыт не только по принципу известных «Писем русского путешественника», но и писем всех представителей всех европейских наций и государств о поездках в Россию на протяжении всей ее истории. Банк данных здесь еще предстоит создать. Принципы его построения тоже требуют особой рефлексии. В любом случае нам до сих пор известна только вершина айсберга – тех, кто оставил письменные свидетельства о своих путешествиях туда и сюда. Но даже из них можно извлечь интересные и полезные уроки, если судить по биографии и творчеству Орхана Памука [Памук 2009].

Тогда как Данилевский описывает лишь один-единственный тренд политической конъюнктуры России после ее поражения в Крымской войне. В этом смысле его концепция позволяет поставить проблему условий, генезиса и типологии *реванистских идеологий*, поскольку параллели к ней можно обнаружить в истории Европы XX века. Особенно в странах, потерпевших поражение в мировых и локальных войнах. В каждой стране есть свои данилевские. Было бы неплохо их тоже выявить для создания мировой энциклопедии банального типа политической мысли и действия...

А пока ограничусь парой показательных суждений Данилевского: система политического равновесия образует элемент естественного порядка Европы, точно так же, как в славянском мире «...естественный порядок вещей может основываться только на гегемонии России» [Данилевский 2023: 433]; европейская система политического равновесия «...не только совершенно бесполезна для России, но еще и нарушение ее чьим бы то ни было преобладанием (столь вредное для европейских государств) для России совершенно безвредно» [Там

⁸ Исходное представление об этом многообразии дает книжная серия «Философия России первой половины XX столетия»: <https://iphras.ru/page17467404.htm>. Она показывает, что в России начала века были представлены, по сути дела, все основные направления мировой философской мысли XX века. Богатство политической мысли еще ждет своего энциклопедиста.

же: 464]. Надо сопоставить эти суждения с рефлексией других мыслителей, которые изучают феномен политического равновесия⁹.

На пути к новому типу интеллектуала

Прежде всего требуется осознать наличную ситуацию: «Большинство современных постсоветских марксистов – самые настоящие сталинисты. В теоретическом, не обязательно в политическом смысле» [Алаев 2019а: 59]. Возникает вопрос: возможно ли снять тождество постсоветских марксистов с закоренелыми сталинистами? В.В. Сапов предлагает для этого синтезировать концепцию П.Я. Чаадаева с анализом политики русского царизма в поздних трудах Ф. Энгельса.

П.Я. Чаадаев доказал, что история России отличается постоянной прерывистостью, вечным становлением, которое до сих пор не может стать ничем определенным. Это объясняется тем, что Россия в начале исторического существования совершила роковую ошибку, приняв крещение от Византии, где истины первоначального откровения подверглись искажению. Указанная ошибка привела Россию к международной изоляции, отделила ее от Востока, но не присоединила к Западу и стимулировало нравственный и культурный застой страны. «В противоположность всем законам человеческого общежития, – писал Чаадаев, – Россия шествует только в направлении порабощения соседних народов. И поэтому было бы полезно не только в интересах других народов, но и в ее собственных интересах заставить ее перейти на новые пути» [Цит. по: Сапов 2020: 13–20].

Эти идеи Чаадаева сопрягаются с характеристикой Ф. Энгельсом внешней политики русского царизма: «Царская Российская империя является главным оплотом, резервной позицией и вместе с тем резервной армией европейской реакции; потому что одно уже ее пассивное существование представляет для нас угрозу и опасность... Своим постоянным вмешательством в дела Запада эта империя задерживает и нарушает нормальный ход нашего развития... Население (России) находилось в состоянии духовного застоя, было лишено всякой инициативы, но в рамках своего традиционного образа жизни было пригодно решительно на все» [Маркс, Энгельс 1962: 11–52].

Промежуточный вывод указанного сопряжения гласит: «Следует раз и навсегда признать, что подлинное русское национальное самосознание всегда самокритично» [Сапов 2020: 51]. Однако задача перехода России на новые пути (вне конфронтации Восток-Россия-Запад) до сих пор не выполнена. Факт пропаганды и сбыта идей Данилевского свидетельствует о сознательной трансляции идей апологетики и реваншизма в современную Россию. В отличие от П.Я. Чаадаева он не считал, что Россия поработает соседние народы, а, наоборот они сами хотят примкнуть к России, поскольку она обеспечит им взятие Константинополя в качестве столицы мирового славянства. Достаточно вдуматься в судьбы этой идеи в XX веке, чтобы увидеть ее абсолютную бесперспективность. Хотя Сталин не брезговал использовать и ее в крутую минуту...

Между тем И.В. Бестужев-Лада показал, что истоки реваншизма восходят к победе СССР во второй мировой войне. Сразу после нее Сталин начал цепь непрерывных военных авантур в соседних странах (в Иране, Китае, Греции, Западном Берлине, Южной Корее), из-за чего западные страны были вынуждены создать блок НАТО в 1949 г. Эта цепь не прервалась после смерти генералиссимуса. Но в целом к началу 1990-х гг. СССР проиграл третью мировую войну [Бестужев-Лада 2005].

⁹ Анализ дискуссии, которая возникла в России после выхода «России и Европы», образует самостоятельную тему, которая здесь не рассматривается.

С учетом этого факта целесообразно использовать разработанный в литературе концепт политического отчуждения при описании России для разработки критического марксизма. На мой взгляд, этот концепт может обеспечить глубину, разнообразие, актуальность и перспективность проблематики [Философия и идеология... 2018; Любимова 2019; Рубцов 2020; Кузнецова 2022; Неретина 2022; Огурцов 2024]. Разработка данного концепта возможна на основе интеграции множества индивидуальных позиций. Это позволит обсудить возможности работы совершенно в другом направлении по сравнению с трактатом Данилевского. Имеется в виду идея нового типа интеллектуала, сформулированная М. Фуко [Дьяков 2015: 459–472].

Согласно Фуко, задача нового типа интеллектуала состоит в разоблачении любых мифологий. Интеллектуал больше не выступает «гласом народным», специалистом-эзотериком и не говорит от имени других. Он не говорит даже от собственного имени, выполняя работу на острие отношений власти/сопротивления. Интеллектуал связан с режимом производства и обращения истины, его задача состоит в критике идеологий, сопряженных с наукой. Он должен стремиться не к изменению сознания людей или содержания этого сознания, но к преобразованию политического, экономического и институционального строя производства истины. Вопрос об отделении истины от форм гегемонии – прежде всего вопрос о том, возможна и желательна ли революция. Для публичного обсуждения этой проблемы философ должен отказаться от роли пророка, педагога, законодателя. Его задача – анализировать и активизировать борьбу против власти.

Если все эти требования применить к анализу и оценке опуса Данилевского, – он вполне достоин возглавить ряд новых политических мифологий России. Под старыми имеется в виду миф Москвы как Третьего Рима [Корневский 2022: 12–52]. Изучение отличий вторых от первых тоже может составить особое направление поиска.

Согласно Фуко, «философия сегодня – всецело политическая и всецело историческая. Это политика, имманентная истории, это история, необходимая политике». Обращение к политике для Фуко означало не временное отвлечение от научных интересов, но «открытие возможности продолжать философское дело на уровне политики». Фуко понимал свою аналитико-политическую философию как изучение властных отношений во всех регистрах общества. Ключевым понятием для этой философии является сопротивление. Как философская позиция она влечет за собой сопротивление как позицию политическую. Сопротивление в философии имеет давние традиции и не приноравливается к политическим событиям. Политика для Фуко – не проявление или применение философской практики, но философская практика как таковая.

Понятно, что существующие до сих пор старые и новые когнитивные, институциональные, организационные, психологические и иные разрывы между политикой и историей тоже входят в предмет исследования.

Короче говоря, идея нового типа интеллектуала позволяет критически отнестись не только к содержанию концепции Данилевского, но и к тому типу рефлексии, которую он предлагал для анализа политического равновесия.

Погружение в текст: темы и коннотации

Материалом для описания типа рефлексии будет лекция Фуко из курса «Рождение био-политики», прочитанная 24 января 1979 г. Главным предметом анализа в ней является политическое равновесие в Европе и международном пространстве. В отличие от Данилевского Фуко не рассматривает политическое равновесие как дериват сложившейся политической конъюнктуры. Он включает политическое равновесие в общий процесс становления и кризи-

са полицейского государства и либерального руководства государством на протяжении последних трехсот лет. А затем обнаруживает в истории XIX в. и описывает элементы, позволяющие объяснить данный процесс и кризис [Фуко 2010: 94]. При таком подходе анализ политического равновесия не сводится к описанию государственных интересов (далее ГИ) одного из государств Европы и оценки всей европейской политики с позиции идеологического слуги этого государства (в данном случае Данилевского), но включает изучение ГИ наиболее важных политических игроков Европы во взаимосвязи с учетом ГИ всех государств континента с одновременным критикой ГИ любых государств. Дистанция от политики того государства, в которой каждый индивид родился под влиянием множества случайностей, на которые не спрашивали у него согласия, – исходный пункт размышлений Фуко.

Если судить по указанному фрагменту его исследовательской практике, то в состав анализа входят следующие темы: связь внутренних и внешних целей государств в процессе формулировки и реализации ГИ; понятие и динамика баланса Европы; традиционные ГИ и новые правительственные интересы; отношение Европы и мира; планетарный расчет (международная рациональность); перспектива вечного мира; анализ Венского договора 1815 года как продукта войны 1812 года и победы в ней нескольких европейских государств (включая Россию) над Францией; наполеоновская идея реанимации империи; австрийская и английская модель европейской рациональности; критика либерального искусства управления; возможности производства и потребления компаративистики свободы; игра и последствия связи свободы и безопасности; феномен кризиса либерализма; предмет и структура теории кризисов.

Ни одну из этих тем Данилевский не обсуждает. Тогда как эвристический потенциал концепции Фуко сводится к множеству коннотаций, ни одну из которых потерять нельзя. Предложу их предварительный список, соотнесенный с текстом лекции Фуко.

Суть политического равновесия – всеобщее противодействие возвышению любого государства, которое стремится восстановить в Европе империю путем господства над соседями. Баланс Европы (т. е., политическое равновесие государств) устанавливался для противодействия повтору имперской ситуации на европейском материке.

Идея прогресса меняет суть баланса Европы. Мондиализация рынка означает создание принципов и целей, согласно которым должно произойти коллективное обогащение Европы. Фуко ввел концепт *планетарной рациональности* для замены прежнего понятия ГИ. Признаками появления планетарной рациональности являются история морского права, пиратства, проекты мира и международной организации. Во всех случаях мир (как планету и состояние, противоположное войне) надо было осмысливать в терминах рынка.

В XVII в. проекты мира артикулировались балансом сил всех государств, крупных государств и союзов малых государств Европы. В XVIII в. гарантией и основанием вечного мира уже полагалась безграничность внешнего рынка. Перспектива вечного мира определялась комплексом *диспозиций Европы*¹⁰. Гражданское право, международное право, право всемирного гражданства есть повторение человеком в форме долга предписаний природы. Вечный мир гарантируется природой, заселением всего мира и сетью торговли, стремящейся пронизать весь мир. Главная гарантия вечного мира выступает коммерческая планетаризация.

¹⁰ Фуко разъясняет свое понимание диспозиций. Чтобы отдельные люди могли вступать в отношения обмена, основанного на собственности, природа предписала: установить юридические отношения и гражданское право; распределиться по регионам мира; установить в каждом из них особые отношения людей в юридических терминах; создать обособленные государства, поддерживающие между собой юридические отношения, гарантирующие независимость; создать торговые отношения, которые пронизывают границы государств и делают пористой юридическую независимость всех и каждого государства.

Однако в XIX в. начинается эпоха войн, таможенных тарифов, экономического протекционизма, национальных экономик, политического национализма, мировых войн. Возникает такая форма ГИ, которая интегрируется в политическую практику другого типа ГИ. Фуко имеет в виду Венский договор 1815 г. – наиболее яркое проявление европейского стремления покончить с имперской идеей. Фуко иллюстрирует это стремление парадоксом Наполеона: во внутренней политике тот стремился до предела ограничить полицейское государство; но во внешней политике был совершенно архаичен, поскольку стремился восстановить империю. Имперская политика Наполеона – это смесь идей империи как гарантии свободы, европейской формы безграничной революции и воссоздания Священной римской империи.

Венский договор стремился свергнуть имперскую безграничность и восстановить баланс Европы с двумя различными целями. Австрийская цель состояла в восстановлении европейского баланса в прежней форме XVII и XVIII вв.¹¹ Английская цель сводилась к восстановлению европейского баланса по навязанному ею Австрии Венскому договору. Отсюда вытекает: внутри одной исторической реальности могут существовать два разных типа политического расчета.

Либеральное искусство управления включает три свойства: веридикция рынка, ограничение посредством расчета правительственной полезности и положение Европы по отношению к мировому рынку. Но спонтанность экономических процессов не тождественна юридической свободе индивидов. Поэтому новое искусство управления не было переходом от авторитарного к толерантному руководству. Противоречие между ними выражено в концепции просвещенного деспотизма. В связанной с ней практике Фуко выявляет фактическую и методическую проблему свободы.

Первая сводится к вопросу: возможна ли компаративистика свободы? На этот вопрос Фуко отвечает однозначно: «Нет никакого типа доказательства, никакого шаблона или меры, которые здесь можно было бы применить» [Там же: 86].

Вторая позволяет подвергнуть тотальной критике либерализм как основание бюрократизации управления. Свобода – это актуальное отношение между управляющими и управляемыми. Правительства потребляют свободу, поскольку она возможна лишь при условии свободы рынка, продавца и покупателя, реализации права собственности, мнения, слова и т. п. Либеральное искусство управлять – это отношение производства/разрушения свободы. Правительство пытается производить свободу, но все его действия ограничивают, контролируют, принуждают и угрожают. Свобода торговли не может осуществляться без контроля, ограничений и организации ради избавления от гегемонии одной страны над другими, которая ограничивает свободу торговли. Для достижения свободы внутреннего рынка надо устранить монополии и антимонопольное законодательство одновременно. Свобода рынка труда предполагает наличие множества компетентных и квалифицированных, но политически безоружных трудящихся. «Перед нами что-то вроде притока грандиозного законодательства, – пишет Фуко, – грандиозного количества правительственных вмешательств, которые станут гарантией производства свободы, столь необходимого для управления» [Там же: 88]. Отсюда вытекает, что свобода не является данностью либерального режима. Ее надо ежечасно изготавливать, порождать и производить, одновременно культивируя систему принуждений и проблем стоимости, порождаемых этим изготовлением.

В этом контексте Фуко определяет безопасность как принцип расчета стоимости изготовления свободы. Игра свободы и безопасности находится в центре новых ГИ и образует либеральную экономию власти. В прежней системе суверенитета между правителем и под-

¹¹ Австрия настаивала на том, чтобы ни одна страна в Европе не смогла возобладать над другими, поскольку Австрия состояла из различных государств, скрепленных старой формой полицейского государства. Австрия полагала, что Европа формируется по старой схеме множества полицейских государств.

данном существовала серия юридических и экономических отношений, которые обязывали правителя защищать подданных от внешних и внутренних врагов. Либерализм порождается механизмом опасности и не может манипулировать интересами без одновременного управления опасностями и механизмами безопасности/свободы. Игра безопасности/свободы свидетельствует, что индивиды или общность как можно меньше подвергаются опасностям.

Это влечет за собой ряд последствий: культивирование стимула опасности; распространение процедур контроля, сдерживания, принуждения как замены и противовеса свободы; появление в искусстве управления механизмов, имеющих своей функцией производить, внедрять и продвигать свободу через больший контроль и вмешательство. В целом либеральное искусство управлять становится жертвой кризисов руководства – универсальной характеристики экономических, социальных и политических процессов на протяжении последних трехсот лет.

Кризисы обычно возникают по причине роста экономических затрат на осуществление свобод и порождаются компенсаторными механизмами свободы. Поэтому Фуко фиксирует двусмысленность всех своборождающих диспозитивов, предназначенных для производства свободы, но производящих нечто прямо противоположное.

В качестве примера Фуко указывает механизмы, которые в 1925–1930 гг. пытались предложить экономические и политические формулы, защищающие государства от коммунизма, социализма, фашизма и национал-социализма. Но эта защита не смогла реализоваться. Либеральные механизмы экономического вмешательства обманчивым путем вводят типы вмешательства и способы действия, компрометирующие свободу по образцу явных и очевидных политических форм, которых они хотели избежать¹². Иллюстрацией этого тренда является интервенционистская экономическая политика Кейнса 1930–1960 гг., которая привела к кризису либерализма. Он проявляется в пересмотрах, переоценках, новых проектах искусства управлять, формулируемых в Германии перед войной и сразу после войны, а в настоящее время в Америке.

В заключение лекции Фуко констатирует: современный мир на протяжении последних трехсот лет сотрясается общими кризисами капитализма и либерализма, которые он называет кризисом общего диспозитива руководства¹³.

Отважное мышление

Этот концепт ввел П. Слотердаик для обсуждения творчества Фуко, «...о котором все еще лишь немногие знают, какой прорыв и перелом знаменует собой его учение» [Слотердаик Петер, Хайнрихс Ганс-Юрген 2015: 17]. Я ограничусь анализом идеи Фуко о необходимости оторвать истину от форм гегемонии и создать альтернативную теорию революции.

Данилевский настаивал на гегемонии России в славянском мире, из чего вытекает когнитивный авторитет гегемонии, вплоть до пространственных следствий. Фуко требовал учитывать модификации, которые были внесены революциями в структуру политического равновесия [Фуко 2010: 26–34]. На этом основании М. Манн предлагает всю историю XX века «...рассматривать в качестве *прерывистого равновесия* (курсив Манна. – В.М.), когда об-

¹² Фуко считает иллюстрацией этого тренда интервенционистскую экономическую политику Кейнса 1930–1960 гг., которая привела к кризису либерализма. Он проявляется в пересмотрах, переоценках, новых проектах искусства управлять, формулируемых в Германии перед войной и сразу после войны, а последнюю треть XX в. в Америке.

¹³ Он отмечает, что кризис либерализма – не чистая и прямая проекция кризисов капитализма на сферу политики. Можно обнаружить связь кризисов либерализма с экономическими кризисами капитализма, их хронологический сдвиг по отношению к этим кризисам, и то, как эти кризисы проявляются, управляются, какие реакции и перестройки вызывают эти кризисы. Все это не выводится напрямую из кризисов капитализма.

щие тенденции внезапно направлялись в другое русло войнами и революциями» [Манн 2018а: 232].

Стало быть, войны и революции меняют направление (вектор) социальной эволюции. И чем больше их вмешательство в исторические процессы, тем более подвергается испытанию на прочность идея политического равновесия. Поэтому М. Манн предлагает рассматривать любую революцию с точки зрения четырех источников социальной власти: идеологического, экономического, военного и политического. Размеры идеологической, экономической, военной и политической коррозии глобальной истории, истории континентов, истории регионов и истории конкретных стран со стороны каждого источника власти могут быть предметом специального исследования. Такой истории еще не существует, хотя подходы к ней уже складываются. Ограничусь примерами анализа данной проблемы на основе истории России.

А. Грациози ввел концепт *войны-революции* для определения периода 1905–1956 гг., который взрастил великие тирании и стал предпосылкой современных событий в России и Европе. Процессы строительства и реконструкции государства вылились в раздробление планеты на две с лишним сотни государств. Таков один из фундаментальных феноменов двух последних столетий. Хрупкость многонациональных империй способствовала появлению разных видов «нострификации» и национал-социализма. В нациях-государствах, превратившимся в имперские центры, возникли идеологии, призванные легитимировать их господство, произвол, репрессивную практику, которая должна была гарантировать сохранение имперских привилегий.

Именно на этом фоне Грациози предлагает интерпретировать на трех уровнях влияние войны-революции, игравшей центральную роль всю первую половину XX в. в Европе:

Откаты к государствам-гарнизонам в смысле Спенсера. Кульминацией отката между двумя мировыми войнами стали европейские тирании 1930-х гг. с их военно-промышленным государствами, которые были тесно связаны с личностями возглавлявших их тиранов. Ленин способствовал реконструкции квази-имперского пространства в условиях, неблагоприятных для империй.

Революционной природы войны 1905–1956 гг. Центральное место в ней занимают уничтожение евреев, этнические чистки, переселение населения. Такова регрессивная суть указанных государств.

Влияния войн на эволюцию человеческих обществ. Долгий мир создал новые основы для дискуссии о сравнительной воспроизводимости и живучести гитлеризма и сталинизма. Надо изучать медленную, молчаливую и незаметную *агонию СССР* в сферах идеологии, государственной экономики, национальном вопросе.

На основе изучения гибели тираний и трансформации военно-промышленных государств А. Грациози высказал три констатации: эти государства порождают *одряхление и смерть*, тогда как мир усиливает бюрократически-нормативное государство; советскую историю надо изучать как процесс одряхления военно-промышленного государства с точки зрения перехода от качественно-тотального к количественно-тотальному государству; теории конвергенции социализма и капитализма связаны с поверхностным анализом бюрократии и капитализма [Грациози 2005: 262–277].

В целом европейская и российская история двух последних столетий есть история постепенного вырождения национализма и социализма, имеющих двойственную природу. Двойственность вызвана тем, что обе идеологии в период генезиса были связаны со свободой. Но уже в Европе начала XX в. связь родины и свободы была разорвана. Процессы освобождения стали процессами закабаления населения. Во имя национализма и социализма осуществлялись массовые убийства, произошло перерождение патриотизма: «Лишь свобода –

единственный принцип, который заслуживает, чтобы его ставили выше всех других, включая национальную независимость, демократию и социальную справедливость, которые тоже важны, но должны быть связаны со свободой и подчинены ей, ибо их абсолютизация может открыть двери злу» [Там же: 278–279].

Эталоном зла стала великая крестьянская война в СССР – наиболее яркий признак и источник социального, экономического и политического регресса [Грациози 2008: 91–97]. Она продемонстрировала особенно жестокий вид деспотизма в государственной политике. Советская политика использовала все современные средства для контроля и регламентации общества, искореняя его инициативу. КПСС стала антинародной, поскольку вела войну с большинством населения, от которого защищалась путем возрождения методов конспирации. Произошла криминализация партии и ее ядра. Партия стала коллективным царем-модернизатором типа Петра. Участие крестьянства по собственной инициативе в модернизации было исключено. События «гражданской войны» и безжалостная «модернизация» сверху объясняют всеобщую народную антипатию к современности. В СССР сложился и на всем постсоветском пространстве воспроизводится огромный резервуар психологической и идеологической реакционности. Для его преодоления России надо отвергнуть советское прошлое.

Крах советской альтернативы

Одна из попыток преодоления связана с описанием краха советской альтернативы на протяжении 1945–2011 гг. и примыкает к нынешней ситуации в России. В рамках этого процесса М. Манн выделяет следующие хронологическо-проблемные блоки: неуверенная поступь оттепели, 1945–1985 годы; период реформ 1987–1991 годов; конец советской империи; интерпретация распада СССР: был ли он революцией? политические переходы: к демократии и диктатуре; экономические переходы: капитализм или неолиберализм; русский переход: политический капитализм, перверсивная демократия; Россия выбирается из бездны – 2000 годы [Манн 2018б: 267–321]. Краткий очерк выглядит так:

На протяжении более 60 лет государственный социализм держался на советской мощи. С распадом СССР стремление к мировой революции исчезло. Большинство идеалов совершенного общества рухнуло, но остался марксизм как полезный критический инструмент анализа капитализма. Правительство СССР подавило Венгерскую революцию 1956 г. и Пражскую весну 1968 г., уменьшило репрессии внутри страны. Но к открытому политическому инакомыслию оно оставалось нетерпимым. Одновременно развитие городского потомственного рабочего класса способствовало появлению его коллективной идентичности и оппозиции. Рабочий класс на протяжении послевоенного периода противопоставил себя начальству, поскольку оно присвоило право выбора любой альтернативы социализму и дискредитировало ее. Но военно-промышленный комплекс СССР пользовался большей независимостью, чем в США, нанося вред экономике.

Директорат промышленных предприятий СССР считал, что корень проблемы лежит в экономике. Но государственный социализм потерпел неудачи в экономике и в политике. Несмотря на уменьшение деспотии, движения к демократии не произошло. Восприятие неудачи социализма обострялось в силу идеологических причин, поскольку в теории предполагалось, что социализм должен быть лучше капитализма. Этот факт был поражением советской идеологической власти. Оно особенно затронуло круги партийно-государственной элиты. На закате СССР идеология дестабилизировала статус-кво, потому что она мешала комфортному существованию страны во втором эшелоне всех стран мира, а не впереди всех (в соответствии с идеями классиков марксизма).

Либерализация СССР накануне его распада привела не к социализму, а к консьюмеризму и коррупции. К середине 1917 г. почти никто в России не верил в монархию. К 1980 г. почти никто не верил в марксизм-ленинизм. Советские комментаторы открыто говорили о падении морали. Режим потерял идеологическую власть. Однако реформы не были вызваны коллапсом СССР. Напротив, это реформы принесли коллапс. Сначала Горбачев для ограничения бюрократии ввел элементы рыночной экономики, расширил права предприятий, разрешил деятельность частных кооперативов. Но и такая комбинация не дала ожидаемого результата. Тогда Горбачев заявил о необходимости углубления рыночных реформ в целях сохранения социализма. Он не понимал, что открывает дорогу к капитализму.

Огромные очереди и невозможность купить элементарные вещи в 1990–1991 гг. отражали политическую ошибку, а не слабость экономики. Но теперь они приобретали характер экономического кризиса. Горбачев и неолибералы недооценивали проблему роли власти в переходе от государственного управления к рыночному¹⁴.

М. Манн рассматривает конец советской империи как функцию нового мышления в международной политике. Но был ли распад СССР революцией? Ответ Манна дифференцирован. Пример Горбачева он считает подтверждением теории о роли великих личностей в истории: этот морально мужественный, но политически некомпетентный человек, обладал властью, достаточной для сокрушения институтов, но недостаточной для их воссоздания. Но он изменил ход истории. Организованный консерваторами государственный переворот продемонстрировал типичное для коммунистических режимов подчинение военных партийно-государственной машине. Государство разваливалось, а генералы не сумели предпринять решительные или трезвые шаги.

Развал Советского Союза начался сверху. Решающий удар был нанесен группой руководителей. Они совершили грубейшие ошибки, повлекшие за собой непредвиденные последствия. Но распад СССР оплакивать не стоит – он потерял идеологическую привлекательность.

С точки зрения политической власти распад СССР был положительным явлением. Но поскольку российский рынок на деле управлялся монополиями, распад их усилил. Это повлекло большую смертность населения¹⁵.

В постсоветских странах появился такой тип политического капитализма, в котором особую роль играли патрон-клиентские связи. Поэтому шоковая терапия обернулась катастрофой. Шоковая терапия стала настолько непопулярна, что довести ее до конца можно было только силой. В итоге экономический переход стал причиной гибели людей. Масштаб экономического кризиса в России до 1996 г. превышал масштабы кризисов, вызванных Первой мировой войной, Гражданской войной и Второй мировой войной. Экономический коллапс переходного периода был намного сильнее упадка конца советского периода.

¹⁴ При Горбачеве в аппарате управления возникло пять фракций: правые консерваторы-реформаторы стремились усилить роль государства; консерваторы по природе опасались любых перемен, которые могли поставить под угрозу их положение; социалисты-реформаторы типа Горбачева; левые либералы – сторонники либеральной идеологии, уверовавшие в капиталистический рынок и либеральную демократию; либералы-оппортунисты, видевшие для себя возможность быстрого обогащения и готовые обратить реформы в свою пользу. К союзу с ними стремились националисты и местная номенклатура, которые использовали идею децентрализации для усиления позиций своих республик и краев, но на деле преследуя собственные интересы. По мере ослабления партийно-государственного режима борьба между фракциями усилилась.

¹⁵ Манн приводит статистику. Согласно данным Программы развития ООН, в переходный период преждевременной смертью умерло 10 млн. человек, что примерно равно числу жертв сталинских репрессий. По его мнению, зверства рыночной экономики могут быть не заметны по сравнению с плановым хозяйством, но страдания людей и уровень смертности могут быть похожими.

В России был построен клановый, политический капитализм. Обеспечить выполнение контрактов легальными способами было трудно. Поэтому боссы КГБ использовали бизнесменов в качестве подставных лиц или решали проблемы, прибегая к услугам наемных убийц¹⁶.

В 2000-е годы формально государство получило больше власти, проведя рационализацию промышленности, располагая обретшими второе дыхание секретными службами и усилив контроль над СМИ. Но источником роста в России стали внешние потрясения, а не успешный переход к рыночной экономике. Многие отрасли промышленности, конфискованные у олигархов, были переданы друзьям Путина. Это была вторая волна самоосвобождения номенклатуры, в особенности из КГБ. Почти все бюрократы в окружении Путина являются руководителями крупных корпораций, которые неформально контролируются государством. МВД и ФСБ заняли доминирующее положение. Московские бизнесмены понимают, что лучше иметь защиту в лице МВД и ФСБ, чем в лице организованной преступности, потому что у них не только больше оружия, ресурсов и силы, чем у криминальных группировок, но и потому, что они защищены законом. Поэтому спрос на защиту со стороны банд уголовников теперь уже не высок.

Общий итог Манна звучит так: «Кремль это не столько государство, сколько частный бизнес по зарабатыванию денег, где воровство стало патологической привычкой... Путинское государство обладает властью, достаточной для того, чтобы заниматься простыми вещами, например подтасовками на выборах, убийством беспокойных диссидентов, но клептократия представляет собой противоположность бюрократии, потому что ее невозможно контролировать сверху... В 2011 г. многие жители России были настроены против путинского государства именно из-за этого сочетания: государство не может побороть коррупцию, зато может подтасовывать результаты выборов и убивать диссидентов... России и большинству бывших республик Советского Союза досталась лишь деспотическая, полная неравенства капиталистическая альтернатива государственному социализму, которая могла быть достигнута еще в первой трети прошлого века, если бы не было Первой мировой войны. Тем временем в ходе коммунистических и неолиберальных экспериментов погибли миллионы людей. Революции редко заканчиваются добром. Они ведут к сильнейшему разрушению властных структур, а результатом зачастую становится перевернутая с ног на голову версия их утопических целей. России в XX в. не повезло: она пережила целых две революции. Конечно, Россию можно считать экспериментальным случаем проверки пределов разумного в деятельности человека и его неспособности находить адекватный выход из кризисов, им же самим и возданных. Какой русский в 1914 г. мог желать такого XX в.?» [Манн 2018б: 320–321].

Заключительный вопрос М. Манна еще раз свидетельствует о том, что обсуждаемая здесь проблематика не подлежит политической конъюнктуре. На мой взгляд, ее надо рассматривать в масштабах столетий – ряда поколений, превращающихся в навоз при реализации очередных государственных интересов, сращенных с интересами российской бюрократии [Макаренко 2016].

¹⁶ Политические связи и доступ изнутри к производственным ресурсам значили больше, чем технические знания или производственная квалификация, поэтому большинство предпринимателей оказались бывшими партийно-государственными аппаратчиками. Находившиеся в тени мафиозные структуры поддерживали олигархов, взяв на себя монополию на средства насилия, которые политической элите полагается маскировать.

Предметы раздумья

В заключение вернусь к В.С. Соловьеву. Он усматривал позитивный момент книги «Россия и Европа» только в призыве систематизировать грехи России. Такой подход частично уже реализован Г.П. Федотовым [Федотов б/г]. Я предлагаю его дополнить вопросами, вытекающими из анализа М. Фуко.

Почему в России до сих пор не возникла идея всеобщего противодействия империи как способу господства над соседями, установления политического равновесия и планетарной рациональности для замены государственных интересов?

Как устранить российскую связь интересов бюрократии с государственными интересами?

Почему в России не возникла идея планетарной рациональности, проектов мира и международной организации как следствия рынка, а не войны?

Почему в России не возникла идея равенства всех государств и приоритета международного права (а не силы) для разрешения споров?

Какие диспозиции (в смысле Фуко) типичны для политической истории России на различных этапах ее существования?

Каким в России было и остается соотношение архаизма во внутренней и внешней политике?

Как в России сосуществуют различные типы политического расчета?

Как в России сосуществуют полицейский и либеральный способ бюрократизации управления, свобода и безопасность?

Можно ли обнаружить сходство кризисов руководства в досоветской, советской и постсоветской России?

Обращаю внимание, что данные вопросы вытекают только из одной лекции Фуко в курсе «Рождение биополитики». Каждый, кто прочтет эту лекцию и весь курс, может продолжить, уточнить и переформулировать предложенный список вопросов. Думаю, это еще более увеличит дистанцию в отношении концепции Данилевского. Особенно если воспринять ее через призму основных понятий российской политики [Хархордин 2011].

Алаев Л.Б. 2019а. *Проблематика истории Востока*. – М.: ЛЕНАНД.

Алаев Л.Б. 2019б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе*. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД.

Аронсон О.В. 2017. *Силы ложного. Опыты неполитической демократии*. – М.: Фаланстер.

Бестужев-Лада И.В. 2005. *Третья и четвертая мировые войны: ход и ожидаемый исход*. – М.: Институт экономических стратегий.

Булдаков В. 2024. *Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года*. – М.: Новое литературное обозрение.

Волкогонов Д.А. 2023а. *Ленин*. – М.: Издательство АСТ.

Волкогонов Д.А. 2023б. *Сталин*. – М.: Издательство АСТ.

Грациози А. 2005. *Война и революция в Европе: 1905–1956*. Пер с ит. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Грациози А. 2008. *Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933*. Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной; пер. с фр. В.А. Мильчиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Данилевский Н.Я. 2023. *Россия и Европа*. – М.: Родина.

Данилевский... б/г. Данилевский, Николай Яковлевич. – *Википедия – свободная энциклопедия*. – Доступно: https://ru.wikipedia.org/wiki/Данилевский,_Николай_Яковлевич. – Проверено: 15.09.2024.

Зиновьев А.А. 2022. *Желтый дом*. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация».

Кореневский А.В. 2022. Ключевые мифологемы русской средневековой религиозно-политической мысли в словесных, визуальных и перформативных текстах: от Нового Иерусалима к Новому Граду Константина и Третьему Риму. – *Теория «Москва – Третий Рим» в словесных и виртуальных образах. Легенды и реальность: коллективная монография* / под ред. А.В. Рындиной. – М.: КУРС.

Кузнецова Н.И. 2022. Угольки воспоминаний. – *Философские поколения*. – М.: Издательский дом ЯСК.

Любимова Т.Б. 2019. *Философия и контртрадиция*. – М.: Голос.

Макаренко В.П. 2016а. Философская жизнь и концептуальная рутина. – *Вопросы философии*. – 2016. – № 1.

Макаренко В.П. 2016б. *Русская власть и бюрократическое государство*. 2-е изд. – Ростов-на-Дону: Изд. Южного федерального университета.

Мангель А. 2017. *Curiositas. Любопытство*. – СПб, Издательский дом Ивана Лимбаха.

Манн М. 2018. *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы*. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Манн М. 2018. *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы*. Пер. с англ. А.В. Лазарева; под научн.ред. Д.Ю. Карасева. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Маркс К., Энгельс Ф. 1962. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 22. – М.: Государственное издательство политической литературы.

Неретина С.С. 2022. Инакомыслящие. – *Философские поколения*. – М.: Издательский дом ЯСК.

Огурцов А.П. 2024. *Отчуждение, рефлексия и практика*. – М.: Голос.

Памук О. 2009. *Биография Стамбула*. Пер. с тур. Т. Меликли и М. Шарова. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора.

Рубцов А.В. 2020. *Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти*. – М.: Прогресс-Традиция.

Сапов В.В. 2020. *Обидчик России. Из истории социально-философской мысли России. (Статьи и публикации)*. – М.: Политическая энциклопедия.

Слотердайт П., Хайнрихс Г-Ю. 2015. *Солнце и смерть: Диалогические исследования*. Пер. с нем., примеч. и послесл. А.В. Перцева. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.

Соловьев В.С. 1888. *Россия и Европа 1888*. – *Электронная библиотека Одинцовского благочиния*. – Доступно: http://www.odinblago.ru/soloviev_5/1_6. – Проверено: 15.09.2024.

Философия и идеология... 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция.

Федотов Г.П. б/г. *Судьба и грехи России. – Азбука веры*. – Доступно: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Fedotov/sudba-i-grehi-rossii/. – Проверено: 15.09.2024.

Флоровский Г. 1991. *Пути русского богословия*. – Вильнюс.

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. Пер. с фр. А.В. Дьякова. – СПб.: Наука.

Хархордин О. 2011. *Основные понятия российской политики*. – М.: Новое литературное обозрение.

Хиршман А. 2012. *Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*. Пер. с англ. Д. Узланера. – М.: Изд. Института Гайдара.